

СКАЧУЩИЕ К МОРЮ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М о й а, старая женщина.

Б а р т л и, ее сын.

К э т л и н, ее старшая дочь.

Н о р а, ее младшая дочь.

М у ж ч и н ы и ж е н щ и н ы.

Место действия: островок у западного
побережья Ирландии.

Кухня в рыбацкой хижине. Сеги, класчатые плащи, прялка и прочий скарб. К стене прислонено несколько новых досок. Кэтлин, девушка лет двадцати, вымесив плоский хлеб, ставит его в печь, вытирает руки и садится за прялку. Нора, совсем еще девочка, приоткрыв дверь, просовывает в щель голову.

Нора (шепотом). А где же она?

Кэтлин. Пошла прилечь и, даст бог, уснет.

Нора осторожно входит и вынимает из-под шали узелок.

(Быстро вращая колесо прялки.) Что это у тебя?

Нора. Да вот, молодой священник принес. Рубашка тут и шерстяной чулок, что с утопленника в Дониголе сняли.

Кэтлин резко останавливает колесо прялки и, вся подавшись вперед, слушает.

Нам надо будет с тобой поглядеть, не Майкла ли это вещи, когда она на берег пойдет его высматривать.

Кэтлин. И откуда это могут быть вещи Майкла, Нора? Неужто его отнесло так далеко к северу?

Нора. Священник говорит, такое бывало. Ежели это Майкла вещи,— сказал он,— можете ей передать, что его, слава богу, похоронили по-христиански. А если нет, пусть никто не говорит ей о них ни слова, а не то она своими слезами да причитаниями в могилу себя сведет.

Дверь, которую Нора неплотно прикрыла за собой, порывом ветра распахивается настежь.

Кэтлин (тревожно оглянувшись). А ты не попросила священника уговорить Бартли не везти нынче лошадей на ярмарку в Голуэй?

Нора. Да разве его здесь удержишь? — сказал он, — но вы не тревожьтесь. Сама-то, поди, всю ночь напролет за него молиться будет, и всемогущий не оставит ее, не допустит, чтобы она последнего сына лишилась.

Кэтлин. А что, волна-то большая у Белых скал?

Нора. Да порядочная, спаси нас господь. Страсть как ревет на западе и, верно, еще хуже будет, когда прилив против ветра пойдет. *(Идет со своим узелком к столу.)* Развязать, что ли?

Кэтлин. А вдруг она на грех проснется и войдет, а мы еще не кончим? *(Подходя к столу.)* Ведь провозимся мы с тобой долго, да, поди, еще обречемся.

Нора *(подойдя к двери в соседнюю комнату, прислушивается)*. Она у себя на кровати ворочается. Того и гляди войдет.

Кэтлин. Подай-ка лестницу. Я суну вещи в торф на чердак, так, что она о них и не прознает. А потом, когда начнется прилив, она, верно, уйдет смотреть, не гонит ли его тело с востока.

Они приставляют лестницу к шатру над очагом. Кэтлин подымается на несколько ступенек и засовывает узелок на чердак, в чулан для торфа.

Мойа выходит из соседней комнаты.

Мойа *(взглянув на Кэтлин, которая не успела еще сойти с лестницы, ворчливо)*. Тебе разве торфа до вечера не хватит?

Кэтлин. У нас хлеб в печи стоит. Поскорее с ним управиться надо. *(Кидает куски торфа из чулана на пол.)* Ведь это для Бартли. Как начнется прилив, он еще, чего доброго, в Кошнимару поедет.

Нора подбирает торф и обкладывает им печь.

Мойа *(сидясь на табурет перед огнем)*. Никуда он сегодня не уедет, раз ветер с юго-запада задул, да и священник его удержит.

Нора. Не удержит он его, мать. Да и Имон Саймон, и Стивн Фити, и Колам Шон в один голос говорили, что он непременно поедет.

Мойа. А сам-то он где?

Нора. Спустился вниз разузнать, не пойдет ли какое другое судно на неделе. Верно, он теперь скоро будет, раз течение у зеленого мыса уже поворачивает и баркас лавирует, чтобы подойти с востока.

Кэтлин. Стой, кто-то там у больших камней шагает.

Нора (*выглядывая наружу*). Это он. Ну и спешит!

Бартли (*входит и оглядывает комнату. Говорит сосредоточенно и спокойно*). Где та новая веревка, Кэтлин, что в Коннимаре куплена?

Кэтлин (*спускаясь с лестницы*). Подай ему, Нора. Она там на гвозде, возле новых досок. Я ее туда утром убрала, а то черноногая свинья принялась было ее жевать.

Нора (*передавая веревку*). Эта, что ли?

Мойа. Ты бы, Бартли, лучше ее не трогал. Пусть себе висит там у досок.

Бартли берет веревку.

Она нам очень нужна будет, ежели Майкла под утро к берегу прибьет завтра или послезавтра или еще когда на неделе. Ведь мы ему, если господь позволит, могилу-то выроем глубокую.

Бартли (*возится с веревкой*). У меня недоуздка нет кобылу взнуздать, а мне сейчас к морю ехать, да потоплаиваться. Ведь другой баркас, пожалуй, недели две, а то и больше, не пойдет, а конская ярмарка, говорили внизу, будет нынче знатная.

Мойа. Негоже,— это тебе и внизу всякий скажет,— ежели тело вдруг прибьет, а у нас здесь не будет мужчины гроб сколотить. А уж я, кажется, денег не жалела, купила самых отборных, чистых досок, какие только в Коннимаре нашлись. (*Осматривает доски.*)

Бартли. С какой это стати его вдруг прибьет, когда мы вот уже девять дней его высматриваем, а с юго-запада все дует да дует?

Мойа. А если тело и не найдут, все одно— гляди, какую волну ветер нагнал, да и звезда нынче против месяца встала, когда он всходил. Да будь у тебя хоть сотня коней, хоть тысяча— стоят ли они все сына, а он еще и единственный?

Бартли (связывая недоуздок, к Кэтлин). Смотри, ходи вниз каждый день, да следи, чтобы овцы рожь не поправили. А придет скупщик, продай ему, пожалуй, черноногую свинью, ежели настоящую цену даст.

Мойа. Да где же ей за свинью настоящую цену взять?

Бартли (к Кэтлин). А продержится ветер с запада до новолуния, так пособирайте-ка вы с Норой водорослей для второй кучи, чтобы сразу пережечь можно было. Туговато нам нынче будет с хозяйством, когда в доме остался всего-навсего один работник.

Мойа. А еще горше будет в тот день, когда и ты потонешь. Как же это я одна с девками останусь, когда я совсем стара стала и одной ногой уже в гробу?

Бартли откладывает в сторону недоуздок, снимает старую куртку и надевает другую, поновес, из той же фланели.

Бартли. Ну как там? Баркас подошел к пристани?

Нора (глядя в окно). Мимо зеленого мыса идет и уже паруса опускает.

Бартли (достает кисет и табак). Ну что ж. С полчаса на дорогу вниз. Поспею. Ждите меня денька через два, через три, в крайности через четыре, ежели против ветра идти придется.

Мойа (отворачивается к огню и накидывает на голову шаль). Нет в тебе сердца, бесчувственный ты, коли не хочешь старуху мать слушать, когда та тебя христом-богом молит в море не ходить.

Кэтлин. Да у молодого-то человека вся жизнь в том, чтобы на море быть. И кто же из них послушается старухи, коли та день-деньской все одно твердит?

Бартли (взяв недоуздок). Ну, некогда мне, ехать пора. Сам поеду на рыжей кобыле, а серый жеребчик пусть сзади бежит. Ну, храни вас господь. (Выходит.)

Мойа (кричит ему вслед, пока он еще не вышел за порог). Ну вот и ушел он. Господи боже, и не увидим мы его больше никогда. Ушел он, и черная ночь придет, и не останется у меня больше сына.

Кэтлин. Что же ты его не благословила, когда он на тебя оглянулся? Уж, кажется, и без того с нас горя хва-

тает, а ты еще ему злые слова говорила и накаркала на прощанье.

Мойа берет щипцы и, ни на кого не глядя, начинает машинально мешать горящий торф.

Нора (поворачивается к ней). Ты жар от хлеба отгребашь.

Кэтлин (вскрикивая). Господи помилуй! Да ведь мы ему, Нора, хлеба в дорогу не дали! (Переходит к огню.)

Нора. Ох, и плохо же ему будет до поздней ночи плыть, когда с утра у него и крошки во рту не было.

Кэтлин (вынимая хлеб из печи). Уж куда как плохо! И у кого в доме ум за разум не пойдет, когда старуха любого до смерти заговорит!

Мойа покачивается взад и вперед, сидя на своем табурете.

(Отрезая большой ломоть хлеба и заворачивая его в тряпку, к Мойе.) Сойди ты сейчас вниз к источнику и отдай ему хлеб, как он мимо проезжать будет. Увидишь его снова — гляди, твое недоброе слово силу и потеряет. И ты сможешь сказать ему: «Бог в помощь!» — и у него с души отляжет.

Мойа (берет хлеб). А поспею я?

Кэтлин. Коли поторопишься, поспеешь.

Мойа (с трудом поднимаясь на ноги). Уж больно я плохо хожу.

Кэтлин (глядит на нее с тревогой). Дай ей палку, Нора, а то она, чего доброго, на больших камнях поскользнется.

Нора. Какую палку?

Кэтлин. Да ту, что Майкл из Коннимары привез.

Мойа (взяв палку, которую ей подала Нора). У людей старики свое добро детям и внукам оставляют, а у нас молодые свои вещи оставляют старикам. (Медленно выходит.)

Нора спешит к лестнице.

Кэтлин. Погоди, Нора, а вдруг она еще вернется? Она сейчас так убивается, помоги ей господи, что и не знаешь, чего от нее ждать.

Нора. Она уже зашла за кусты?

Кэтлин (*поглядев в окно*). Зашла. Тащи скорей узелок, потому один бог знает, когда ее опять не будет.

Нора (*доставая узелок с чердака*). Священник сказывал, что он завтра мимо проходить будет и мы можем к нему вниз спуститься и поговорить, если это вправду вещи Майкла.

Кэтлин (*взяв у нее узелок*). А он не говорил, где их нашли?

Нора (*спускаясь с лестницы*). Тут двое мужчин, — сказывал он, — давеча самогон на лодке везли, еще до пехугов, и один веслом утопленника задел, когда они проходили мимо черных скал на севере.

Кэтлин (*пытаясь развязать сверток*). Дай-ка мне нож, Нора. Веревка от соленой воды набухла, и такой на ней теперь крепкий узел, что его и за неделю не развяжешь.

Нора (*передавая ей нож*). Я слышала — далеконько до этого Донигола.

Кэтлин (*разрезая веревку*). И даже очень. Тут один человек недавно приходил — тот самый, что нам этот нож продал, — так он говорил, что если вон от тех скал идти, то до Донигола неделю добираться, не меньше.

Нора. А сколько же утопленнику оттуда плыть?

Кэтлин развязывает сверток и вынимает оттуда лоскут рубашки и один чулок. Они с жадным любопытством рассматривают вещи.

Кэтлин (*шепотом*). О господи, Нора! До чего же трудно сказать наверное, его ли это вещи.

Нора. Я его рубашку с крюка сниму — вот мы и сравним, та же ли это фланель или нет. (*Перебирает одежду, висящую в углу*.) Ее здесь нет, Кэтлин, куда же она девалась?

Кэтлин. Верно, Бартли ее нынче утром надел, у него рубашка-то вся от соленой воды заскорузла. (*Указывая на угол*.) Вон там кусок рукава из той же материи. Дай-ка его сюда, и сразу все видно будет.

Нора передаст ей кусок рукава, и они сравнивают фланель.

Это та же материя, Нора. Но что из этого? В Голуэе можно целые штуки такой материи найти. Разве кто-нибудь другой не мог носить такой же рубашки, как Майкл?

Нора (которая в это время взяла чулок и просчитала в нем число петель, вскрикивает). Это вещи Майкла, Кэтлин, Майкла! Царствие ему небесное! Но что же с самой-то будет, когда она об этом узнает? А тут еще Бартли в море уходит!

Кэтлин (берет у нее чулок). Чулок как чулок.

Нора. Это один из третьей пары, что я ему вязала. Я шестьдесят петель набирала подряд, а потом четыре спускала.

Кэтлин (считая петли). Как раз столько и есть. (Громко восклицает.) Ах, Нора, до чего же это горько думать, что его так далеко на север отнесло и некому было его оплакивать, кроме разве черных ведьм, что над волнами летают.

Нора (поворачивается, протягивает вперед руки, склоняется и опускает их на вещи). Ох, и тяжело же знать, что ничегошеньки-то, кроме куса старой рубашки и одного-единственного чулка, от такого парня не осталось! А гребец-то какой был, а рыбак!..

Кэтлин. Послушай, Нора, не сама ли возвращается? Я ровно слышу шаги на тропинке.

Нора (глядит в окно). Она и есть, Кэтлин. К двери подходит.

Кэтлин. Прячь живо вещи, пока она не вошла. Может, у нее от сердца отлегло, как она Бартли-то благословила? И мы ей ничего не скажем, пока он в море будет.

Нора (помогая Кэтлин увязать вещи в узелок). Мы их сунем сюда, в угол.

Они прячут узелок в дыру за очагом. Кэтлин возвращается к прялке.

Нора. А как ты думаешь, она заметит, что я плакала?

Кэтлин. Повернись к двери, чтобы свет на тебя не падал.

Нора садится в угол у очага, спиной к двери. Мойа входит очень медленно и, не глядя на девушек, направляется к своему табурету. Сверток с хлебом остался у нее в руке. Девушки переглядываются, а Нора жестом указывает на него Кэтлин.

(Еще некоторое время продолжая вертеть прялку.) Ты так ему хлеб и не отдала?

Мойа, не оборачиваясь, принимается тихо причитать.

Встретила ты его на дороге, как он вниз спускался?

Моя продолжаст причитать.

(Несколько нетерпеливо.) Не лучше ли, прости господи, сразу сказать, что стряслось, чем так вот хныкать о том, чего уже не поправишь? Я тебя спрашиваю, видела ты Бартли?

Моя *(слабым голосом)*. Не видать мне отныне ничего, кроме горя.

Кэтлин *(по-прежнему)*. Видела ты Бартли?

Моя. Страшное дело я видела.

Кэтлин *(оставляет свою прялку и смотрит в окно)*. Да бог с тобой. Вот он на кобыле мимо зеленого мыса едет, и серый жеребчик за ним следом бежит.

Моя *(вздрагивает так, что шаль спадает у нее с головы, обнаруживая ее седые, спутанные волосы. Говорит дрожащим от страха голосом)*. И серый жеребчик следом бежит...

Кэтлин *(переходя к огню)*. Да что с тобой?

Моя *(очень медленно)*. Такая мне страсть представилась, какой никому еще видеть не приходилось с тех пор, как Брайд Дара мертвеца с младенцем на руках увидел.

Кэтлин и Нора. О-ох! *(Приседают на корточки перед старухой.)*

Нора. Да что ты, наконец, видела?

Моя. Спустилась я вниз к роднику, стою там и творю про себя молитву. И вот, вижу, едет Бартли на рыжей кобыле, и серый жеребчик сзади. *(Поднимает руки, как будто хочет заслониться от того, что стоит у нее перед глазами.)* Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Кэтлин. Да что же ты увидела?

Моя. Майкла я увидела самого.

Кэтлин *(говорит очень мягко)*. Не могло этого быть. Не Майкла ты видела, потому его тело далеко на севере нашли и, слава богу, похоронили его там похристиански.

Моя *(с некоторым вызовом)*. А я говорю тебе — точно видела. Видела, как он на коне скакал. Сперва Бартли на рыжей кобыле выехал. Хотела я ему крикнуть: «Бог в помощь», но что-то как сдавит мне горло — слова вымол-

вить не могу. Он быстро проскакал и, слышу, он говорит: «Храни тебя господь!», а я как немая стою. Заплакала я, потом взглянула и вижу, на сером-то жеребчике Майкл едет. А платье на нем нарядное и новые башмаки на ногах.

Кэтлин (*начинает причитать*). Теперь уж не миновать нам беды. Все пропадем, все, как есть.

Нора. А разве священник не говорил, что всемогущий господь не оставит ее одну, не лишит ее последнего сына?

Мойа (*негромко, но ясным голосом*). Что знают такие, как он, о море?.. Теперь вот и Бартли утонет. Позовите Имона, пусть он мне хороший гроб сколотит из этих вот чистых досок. Потому незачем мне жить после них на свете. Были у меня в этом доме и муж, и свекор, и шесть сыновей. Шестеро их было — все такие ладные, и сильные, несмотря что я каждого из них тяжело рожала. И вот одних не нашли, а других нашли, но все они один за другим утонули... Стивн и Шон еще тогда, в великую бурю, и нашли потом их тела в заливе святого Григория у Золотых ворот, и принесли сюда обоих на одной доске, через эту самую дверь. (*На минуту умолкает.*)

Девушки вздрагивают, как будто услышали какой-то шум за полуоткрытой дверью.

Нора (*шепотом*). Ты слышала, Кэтлин? Это где-то там на берегу.

Кэтлин (*тоже шепотом*). Что-то там кричат.

Мойа (*продолжает, никого не слушая*). А потом Шимас и его отец, и отец его отца пропали в темную ночь, и ни щепки, ни следа не осталось от них, когда взошло солнце. А там Пэтч утонул — лодка у него перевернулась. Я сидела здесь, с Бартли, он еще был в пеленках и лежал у меня на коленях. Вдруг, гляжу, две женщины, а за ними три другие, и еще четыре входят и крестятся и не говорят ни слова. Я выглянула и вижу, мужчины идут за ними и несут что-то в половине красного паруса, и вода каплет с него, — а день-то, Нора, был сухой, — и на полу от самой двери тянется за ними мокрый след.

Она опять замолкает, вытянув руку к двери. Та бесшумно раскрывается, и в комнату одна за другой входят старухи и, перекрестившись на пороге, становятся на колени в один ряд вдоль рампы.

Головы у них накрыты подолами их красных юбок.

(Как бы еще не очнувшись, к Кэтлин.) Кто же это теперь, Пэтч или Майкл?

Кэтлин. Майкла нашли далеко на севере. А если его там нашли, как же он может очутиться здесь у нас?

Мойа. Много молодых парней тонет, и много их тел по морю носит, и как им узнать, Майкла ли они вытащили? А может, это был другой человек, только похожий на него? Ведь если тело девять дней по морю гоняло, то и родной матери не узнать, он ли это или нет.

Кэтлин. Это Майкл, точно, царствие ему небесное. Они прислали нам кое-что из его одежды оттуда, с севера. (Достает вещи, принадлежавшие Майклу.)

Мойа, медленно поднявшись со своего места, берет их в руки. Нора выглядывает за дверь.

Нора. Они что-то там тяжелое несут, и вода, гляди, стекает и каплет на большие камни.

Кэтлин (шепотом к вошедшим женщинам). Неужто это Бартли?

Одна из женщин. Он, упокой господи его душу.

Входят две молодые женщины и выдвигают на середину комнаты стол. Затем мужчины вносят на доске тело Бартли, прикрытое куском паруса, и кладут его на стол.

Кэтлин (женщинам, пока мужчины заняты телом). Как же он утонул?

Одна из женщин. Серый жеребчик в море его столкнул, а потом его вынесло прямо к Белым скалам, где сильный прибой.

Мойа подходит к столу и опускается на колени у изголовья покойника. Женщины тихо причитают, медленно раскачиваясь взад и вперед. Кэтлин и Нора становятся на колени у другого конца стола, мужчины — у порога.

Мойа (поднимает голову и говорит так, словно она не замечает ничего вокруг). Вот они ушли теперь, и ничего мне море больше не сделает... И не надо будет мне теперь плакать и молиться, когда ветер заревет с юга и слышно будет, как зашумит прибой на востоке и на западе, и гул пойдет от этого шума, и волны будут наскакивать одна на другую. И незачем мне будет теперь спу-

скатся за святой водой темными осенними ночами в дни поминовения умерших, и не будет мне дела до того, что творится на море, когда женщины примутся причитать. (Нора.) Передай мне святую воду, Нора. Там на полке осталась еще капелька.

Нора даст ей воду.

(Кладет одежду Майкла на ноги Бартли и кропит покойника святой водой.) Уж я ли не молилась за тебя господу всемогущему. Уж я ли не читала молитв всю-то темную ноченьку, пока не начинала заговариваться. Но теперь уж я отдохну, и, право, жора. Великий покой обрету я и крепкий сон в долгие ночи после поминовения умерших, нужды нет, что у нас лишь горсть-другая лежалой муки осталась да малость вонючей протухлой рыбы. (Снова опускается на колени, крестится и начинает шептать молитвы.)

Кэтлин (обращаясь к одному из стариков). Может, вы с Имоном завтра, как солнце взойдет, и сколотите гроб? У нас хорошие, чистые доски есть, что сама купила на случай, если Майкла найдут, а у меня для вас и свежий каравай сыщется, чтобы за работой подкрепиться.

Старик (оглядывая доски). А гвозди-то есть?

Кэтлин. Нету гвоздей, Колам. О них мы и не подумали.

Другой из мужчин. Удивительное это дело, что она о гвоздях не позаботилась, когда для нее уже столько гробов сколачивали.

Кэтлин. Стара она становится и уже совсем сдает.

Моя опять очень медленно встает на ноги, раскладывает вещи Майкла вдоль тела Бартли и окропляет их остатками святой воды.

Нора (шепотом, к Кэтлин). Нынче она тихая и кроткая. То ли было, когда Майкл утонул. Она вопила так, что ее у самого родника слышно было. Выходит, она Майкла-то больше любила, а кто бы это подумал?

Кэтлин (медленно и веско). Старухи быстро от любого дела устают. И разве не рыдала она и не причитала все эти девять дней так, что в доме только ее и было слышно?

Моя (ставит пустую чашку из-под святой воды на стол вверх дном и кладет сложенные руки на ноги Бартли).

Теперь они все вместе, и всему пришел конец. Да сми-
луется господь всемогущий над душой Бартли, и над ду-
шой Майкла, и над душами Шимаса и Пэтча, и Стивна, и
Шона. (Склоняет голову.) И да помилует он мою душу,
Нора, и души всех, кто еще живет на этом свете.
(Смолкает.)

Причитания женщины становятся громче, потом постепенно затихают.

По милости божьей, Майкла далеко на севере похоронили
по-христиански. У Бартли славный гроб будет из белых
досок и глубокая могила. И что мы еще можем для себя
желать? Ведь никто не может жить вечно, и смириться
с этим должны мы все. (Вновь становится на колени.)

З а н а в е с м е д л е н н о о п у с к а е т с я